
ОБРАЗ ВРАГА КАК СТЕРЕОТИП МЫШЛЕНИЯ

Т.А. Фоменко

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
ул. Зеленая, 30, Коломна, Московская область, 140411

В настоящей статье мы исследуем вопрос вербального выражения стереотипного мышления, пытаемся проанализировать один из символов нашего времени в представлении европейца: Россия — ось зла, враг демократии, всех свобод. Мы ставим задачу проследить процесс закрепления этого образа средствами массовой коммуникации, акцентировать внимание на том, как сложно разрушить сложившиеся стереотипы, которые держат в плену заблуждений людей, живущих уже в XXI в. В качестве материала мы использовали данные словарей, статьи СМИ, выступление Б. Обамы и художественное произведение современного британского автора Дэвида Митчелла «Луг Черного Лебеда». Исходными предпосылками работы являются положения лингвокультурологии, психологии, психолингвистики, межкультурной коммуникации. Задача исследования решается методами функционального и прагматического анализа текста. Анализируя стереотип как элемент культурного кода, который декодируется посредством языка, мы приходим к выводу, что стереотип «Россия — враг» имеет свои формально-языковые, ментальные и поведенческие параметры.

Ключевые слова: стереотипы, образ врага, речевое выражение, манипуляция сознанием, средства массовой коммуникации.

1. ВВЕДЕНИЕ

Дискуссия о позитивном и негативном потенциале стереотипа уже давно разворачивается в статьях представителей разных гуманитарных наук: социологов, педагогов, культурологов, лингвистов и др. Стереотипы — это, прежде всего те знания о мире, открытия, общие ценности, которые задают образ мышления, образ жизни, либо объединяют, либо приводят к предубеждению по отношению к одной или другой национальности. Стереотипы составляют содержание культурно-языковой компетенции носителей конкретного языка, на основе стереотипов формируются символы культуры, нации, времени [1. С. 3—16]. Нам интересно соотнесение символа с содержанием передаваемой им культурной информацией, которая в дальнейшем требует декодирования. В данной статье мы рассматриваем причины устойчивости стереотипов, поэтому уделяем внимание процессам, происходящим в сознании не столько отдельно взятого индивида, но представителей определенного социума.

Причиной устойчивости стереотипа являются существующие в той или иной культуре понятия, ценности, ориентиры, в которых человек живет и воспитывается с детства. Таким образом, стереотип имеет отношение к глубинным пластам сознания, а проявляется в созданных культурой образах и влияет на модель поведения.

Содержание стереотипа «свой — чужой, друг — враг, хороший — плохой» разделяется большинством социума и тесно связано с культурной картиной мира. Поскольку стереотипизация не только когнитивный, но и коммуникативный про-

цесс, то результатом этих процессов являются символические порождения, которые со временем становятся социокультурными образами и символами. Представляется необходимым в ходе данного рассуждения остановиться на понятии «символ», если принять во внимание изречение Л. Байта, что культура — это класс явлений и предметов, существование которого зависит от символизации. Вся культура создана и воспроизведена благодаря символизации [2. С. 162—169]. Ю.М. Лотман в таких работах, как «Культура и взрыв», «О семиотическом механизме культуры», «Культура как субъект и сама-себе объект», «О семиосфере», «Динамическая модель семиотической системы», «О проблеме значений во вторичных моделирующих системах», «Динамические механизмы семиотических систем», «Миф — имя — культура», «Феномен культуры», «О двух моделях коммуникации в системе культуры» обращает внимание не только на коммуникационную, но и на символическую природу культуры [3. С. 191—199]. Ученый определяет культуру, с одной стороны, как определенное количество текстов, а с другой — унаследованных символов.

Ю.М. Лотман отмечал, что символы культуры вырабатываются веками и в сущностном смысле, сохраняя свое значение для данной исторической эпохи, передаются будущим культурам. Если мы рассматриваем стереотип как когнитивно-культурное образование, то остановимся на его полевой структуре, где традиционно выделяют ядро — некий ведущий принцип, который мы проанализировали, рассматривая этимологию слова «враг». Следующий компонент в структуре — периферия, суждения, атрибуции, связанные с основным, ядерным понятием, что рассмотрено у нас на примерах пословиц в двух языках. Третьим структурным компонентом является ассоциативный контекст, именно он обеспечивает связь с другими стереотипами того же рода. Это созданные культурой прецедентные образы или распространенные символы, что рассмотрено у нас на примерах текстов публичных выступлений, статьях СМИ и примерах художественной литературы, предоставляя доказательства сложившегося в сознании символа врага, ассоциирующегося с понятийным образом России, Москвы, Путина.

2. ЯЗЫКОВОЙ СИМВОЛ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Трактовка понятия «символ» отличается многозначностью и противоречивостью, прежде всего в связи с объективной сложностью его содержания. Мы разделяем точку зрения В. А. Масловой, что *символ — это вещь, награжденная смыслом* [4. С. 102].

Далее автор отмечает, что роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Многие ученые подходят к понятию символа через образ, отмечая, что образность — важнейшее свойство символа.

Языковой символ России в зарубежных средствах массовой коммуникации как оси зла, врага демократии, всех свобод, как страны, поставляющей своих вежливых зеленых человечков для аннексии территорий и проч., создает стереотипный образ врага в менталитете европейца.

Из 70 культурных универсалий, обладающих ценностью и истинностью для всего человечества, ученые выделяют такое понятие, как «война». В интенционал этой универсалии, соответственно, входит понятие «враг». В рамках данной статьи нам представляется интересным проанализировать процесс закрепления этого образа средствами массовой коммуникации, акцентировать внимание на том, как сложно разрушить сложившиеся стереотипы, которые держат в плену заблуждений людей, живущих уже в XXI в. Тенденциозность оценок и чрезмерная, ложная обобщенность суждений, устоявшиеся стереотипы, переходящие из поколения в поколение, усиливают предубеждения и способствуют возникновению барьеров в коммуникации, но с другой стороны, стереотип — это элемент культурного кода, который декодируется посредством языка, имеет свои формально-языковые, ментальные и поведенческие параметры.

Следовательно, можно предположить, что стереотипы могут меняться, при этом изменениям подвергнутся описательные и оценивающие признаки, характеристики объекта. Восприятие социумом данного явления можно рассматривать как движение по оси «плюс—минус», изменение координат происходит очень медленно. Мышление, мнение, мировоззрение может измениться в соответствии с изменениями жизни, на что оказывает влияние политическая ситуация.

3. ФУНКЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Формирование научных теорий и обмен ими, применение новых технологий во всех сферах жизни общества, изменение стандарта поведения, воздействие на социальные процессы в обществе — все это имеет определяющее значение для развития цивилизации.

Проблема воздействия информационного пространства на состояние человека рассматривается в настоящее время как экологическая проблема, потому что нельзя отрицать того факта, что информационное взаимодействие на социум часто приводит к негативным последствиям. Ошибочно предполагать, что от информационного воздействия легко защититься. Появился целый ряд новых терминов, связанных с современным состоянием системы, как-то: «информация — коммуникационная среда — человек», — информационная перегрузка, инфобиологическая неадекватность, перепроизводство информации, синдром информационной усталости, информационное ожирение [5. С. 255].

Процесс воздействия информации на психику индивида и масс описан психологами и физиологами. Психика человека представлена тремя составляющими: сознанием, бессознательным и барьером между ними — цензурой психики. Любое сообщение, которое поступает из внешнего мира в психику человека, проходит через цензуру психики, перераспределяя информацию между сознанием и бессознательным. При этом известно, что информация, которая перешла в подсознание, через какое-то время начинает воздействовать на сознание, а, значит, через сознание на мысли и на поведение человека. При этом в подсознании откладывается любая информация, которая когда-либо проходила мимо индивида, вскоре она начнет свое воздействие на сознание [6. С. 96].

Человек в современном мире рассматривается как носитель определенной национальной ментальности и языка, он участвует в совместной деятельности и речевой деятельности как виде деятельности с другими представителями национальной общности. Язык изучается в тесной связи с мышлением человека, с культурой, в которой он живет.

В психологии под мышлением понимают процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности. Информация, полученная человеком из окружающего мира, ставит перед ним задачи: принимать или отвергать то или иное событие. Следующий этап в познании — формулирование основной, исходной гипотезы, что зависит от опыта индивида. Чем больший опыт субъекта, тем быстрее срабатывает ощущение правдоподобия предположений, если подобного опыта нет, то возникшие гипотезы определяются навязываемыми решениями СМИ. Мышление человека протекает в форме суждений и умозаключений, которые требуют вербализации.

4. ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР МЕНТАЛЬНОСТИ

Языковая принадлежность не только формирует общность людей, но и способствует образованию общей духовности, что, в свою очередь, приводит к отличию в восприятии самих себя и других. Мы разделяем тезис Вильгельма Гумбольдта, что язык народа — его дух, дух народа — это его язык. Вильгельм фон Гумбольдт оценивает язык как мировидение, где язык представляет собой особый мир, поскольку он отражает двойную природу — мира и человека — и превращает в понятия впечатления и ощущения. Язык — посредник между телом и духом. Язык есть средство преобразования субъективного в объективное и обратное. [7. С. 318]. Согласно теории немецкого ученого каждый язык по-своему отражает, интерпретирует мир. Языки представляют собой не различные обозначения вещи, а дают различные ее видения.

Американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф, авторы теории лингвистической относительности, утверждают, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира, каждый язык по-своему членит и представляет мир. Э. Сепир определял культуру как то, что данное общество делает и думает, язык как то, как думают [8. С. 193].

Ю.М. Лотман создал теорию семиотики культуры, где культура рассматривается не только как мировоззрение и миропонимание народа, но и совокупность знаковых систем, которые это мировоззрение выражают [9. С. 56]. Автор определяет культуру как совокупность ненаследственной информации, которую накапливают, хранят и передают разнообразные коллективы человеческого общества, систему запретов и предписаний [Там же. С. 88]. Результаты этих процессов воплощаются на ментальном уровне в виде концептов. Ментальными единицами концепта культуры являются понятия как научные, так и обыденные, представления, стереотипы, культурные установки, идеологемы.

Анализируя «Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов» М.М. Маковского, мы знако-

мимся с наиболее ранними значениями слова «враг» в индоевропейских языках, к которым относятся русский и английский языки, и пытаемся проследить основные закономерности возможных преобразований значений в языке [10. С. 87]. Так, во-первых, слово «враг» соотносится со значением «делать» > «производить культовое (магическое)» действие, в результате которого может вызывать как зло, так и добро, как проклятие, так и благословение: а). русск. враг (литов. *vargas* — беда, др.-прусс. *wargs* — злой, литов. *vergas* — раб, гот. *wrikan* преследовать, лат. *urgeo* — тесню, гоню, литов. *vargti* — бедствовать), но осет. *Waiz* — любить (ср. русск. ворожить), а с другой стороны, греч. *Ερυον* — работа, греч. *ορυια* — культовое действие [Там же. С. 88].

Во-вторых, слова со значением «старый» также могут соотноситься со значением «враг», «гнать, преследовать, изгонять»: лат. *senex* — старый, но тох. *A san* — враг, др.-англ. *witan* — гнать, преследовать [Там же. С. 88].

Обыденные понятия определяются минимальным набором признаков, так если мы рассматриваем концепт «враг», то здесь можно обобщить наиболее существенные черты, интенционал понятия, такие как: человек, который напал на наш дом либо территорию, страну, Родину. Враг, как правило, тот, кто пришел с недобрыми намерениями, его необходимо прогнать, одержать победу, даже если придется погибнуть.

Научное понятие представляет собой высший вид ментальных репрезентаций. Анализ статьи в современном толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой помогает выявить главные черты: враг м.р. 1) а) Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л., чем-л.; противник, недруг. б) Убеденный, непримиримый противник чего-л. 2) Военный противник, неприятель. 3) То, что приносит зло, вред [11].

В англо-саксонской культуре мы наблюдаем интересное объяснение происхождения данного слова. *Origin: Middle English: from Old French *enemi*, from Latin *inimicus*, from *in-* 'not' + *amicus* 'friend'*, недруг. Современный английский словарь дает следующую дефиницию: *someone who hates another; someone who attacks or tries to harm another; something that harms or threatens someone or something; a group of people (such as a nation) against whom another group is fighting a war.* english/longman-vocab.html Таким образом, в наших двух культурах интенционал практически совпадает, поскольку мы исторически производим самоидентификацию социума по принципу «свой — чужой», а также «опасно — безопасно» для самого существования общества, исходит ли от врага смертельная угроза для человека, группы, социума.

Интересно рассмотреть описательный признак «врага», наделение различными негативными свойствами и качествами. «Враждебность/агрессивность» — часто субъективный признак, поскольку присутствует эмоциональная оценка, но он возводится в ранг типических. Здесь можно говорить о градации состояния враждебности/агрессивности, умеренности/обостренности, поскольку восприятие одного и того же события может не совпадать в силу личностных, индивидуальных, национальных особенностей, представлений. Представления — это ощущение

ния, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой, они отражают наивную картину мира.

Мы проанализировали методом сплошной выборки паремии (100) с ключевым словом «враг» в английской и русской лингвокультурных системах. Результаты изучения показали, что в английской культуре это слово обладает более умеренным признаком враждебности и агрессивности, в отличие от русской. Мы объясняем это тем, что большая часть (80%) русских пословиц посвящена борьбе с оккупантами за свободу своего отечества, а не только общим морально-этическим проблемам. Приведем для сравнения только несколько примеров из русской и английской паремий:

Хорошо, когда враг бит, еще лучше, когда он убит. Врагов не считают — их бьют. Деды врагов бивали и нам наказывали.

If you have no enemies it is a sign, fortune has forgotten you. If you would make an enemy, lend a man money, and ask it of him again. Best is the enemy of the good.

Кроме представлений наивную картину мира структурируют культурные установки. Н.Н. Болдырев определяет культурные установки как «совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурными традициями» [12. С. 9].

Человек, взаимодействуя с другими членами социума, перенимает эталонизированные образцы поведения, усваивает «правила игры», овладевает сценариями поведения. Таким образом, если мы говорим о типичных способах поведения, проявляющегося в деятельности и общении, то мы подошли к проблеме «совокупности устойчивых индивидуальных особенностей личности», т.е. понятию «характер» [13. С. 436]. Проблемы особенностей русского характера освещены в работах Н.А. Бердяева («Душа России. Судьба России»), И.А. Ильина («О русской идее», «О России»), Л.П. Карсавина («Восток, Запад и русская идея»), Н.О. Лосского («Характер русского народа»), Л.А. Тихомирова («Что такое Россия») и др.

В задачи данной работы не входит обсуждение всех свойств русского характера, и мы остановимся лишь на этнической толерантности, поскольку отсутствие этой черты как раз и вызывает враждебность. И.А. Ильин так описывает русского человека: «Русский человек живет, прежде всего, сердцем и воображением и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека, прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнилельно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства... Он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся паразитов, он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы. Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточно-русской культурой. У нас вся культура — иная, своя, притом потому, что у нас иной, особый духов-

ный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее... У нас есть дар чувствования и перевоплощения. У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то, искажая все на свой лад. Для них русское — инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно» [14].

Особым видом культурных установок являются идеологемы — слова и сочетания слов определенной идеологической окраски, это набор актуализированных ценностей, которые могут меняться при переходе от одной культурной модели к другой. Тема нашего исследования непосредственно связана с политическим дискурсом, одной из ведущих функций которого является манипулирование общественным сознанием через продвижение той или иной идеи, отвечающей интересам определенной группы людей.

В нашем политизированном мире мы не можем не говорить об идеологизации текстов СМИ, художественной литературы, в конечном счете гипертекста, всего текстового пространства. Идеологема как когнитивная универсалия выполняет свою важнейшую суггестивную функцию — функцию репрезентации идеологии, целенаправленного воздействия на сознание адресата [15. 154—157].

Таким образом, анализируя причины устойчивости стереотипов, особенно политизированных, таких как образ врага, мы рассматриваем несколько смежных единиц одного ментального когнитивного уровня: стереотип, ментальный стереотип, образ, символ, идеологема. Все эти понятия не только смежные, но и репрезентируются в текстовом пространстве одного дискурса, их объединяет общность функций — экспликация системы идеологических доминант. Однако смежность этих универсалий и общность их функций в тексте не дает право использовать их синонимично, требует критического анализа сходств и различий, классификации основных понятий этой парадигмы.

Анализируя советизмы как примеры идеологем, мы можем предположить, что степень выраженности стереотипных оценок находится в прямой связи не только с временным компонентом, например исторические стереотипы, актуальности явления, но и с соотношением различных категориальных процессов у конкретного индивида. У разных людей ведущими могут быть различные типы категоризации — одни более склонны к стереотипизации, другие — к идеализации, третьи — к нивелированию черт.

Поскольку в обществе всегда имеют место как тенденции к унификации (которые проявляются в выработке общих для группы программ поведения), так и тенденции к разнообразию, диверсификации черт характера и моделей поведения, то одни люди более склонны к первому («быть как все»), другие ко второму («быть не похожим на других»). В связи с этим острота восприятия одних и тех же политических стереотипов в словосочетании как «*враги Советской вла-*

сти», «враги народа» и проч., может отличаться. Многие считают, что в настоящее время они утратили социалистическую коннотацию, нейтрализован смысл сочетания по отношению к главной теме «враг» останется прежним, поскольку она относится к разряду универсалий. «Враг» может ассоциироваться с конкретной личностью, с племенем, этносом, нацией, классом, партией, государством («империя зла», «ось зла»), с идеологией (фашизм, национализм, расизм, терроризм), с общественным строем (капитализм, социализм) и прочее.

Культурные установки и идеологемы могут сосуществовать на определенном культурном срезе, либо возможно проявление противоречивости, противопоставленности между ними.

5. СТЕРЕОТИП КАК ФРАГМЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Рассматривая стереотип как явление языка и культуры, мы акцентируем наше внимание на том, что стереотип позволяет нам ориентироваться в социуме, поскольку дает нам культурно-детерминированное представление о ситуации, предмете, помогает определить свое место по шкале «свой — чужой». По своим функциям и сущности стереотипы близки к культурным установкам. Слово «стереотип» основано на греческих корнях со значениями «твердый, плотный» и «отпечаток, след» (др.-греч. στερεός — твердый, объемный + τύπος — отпечаток).

Впервые понятие стереотипа использовал У. Липпман еще в 1922 г. для обозначения упорядоченных схематичных детерминированных культурой «картинок мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира. Стереотип — это стандартное мнение, измеряющее деятельность той или иной социальной группы или индивида. Стереотипы, с одной стороны, упорядочивают знания, противопоставляя при этом свое чужому, помогают человеку ориентироваться в жизни, с другой стороны, стереотипы упрощают ментальные репрезентации различных категорий людей, преувеличивающие моменты сходства между ними и игнорирующие различия [16. С. 109]. Стереотипизация предполагает статичный взгляд на общество и человека, неумение воспринимать уникальность человеческой личности, стремление свести всех людей к ограниченному числу типов со стандартным набором характеристик. Среди стереотипов различаются гетеростереотипы (по терминологии О.А. Леонтович — экзостереотипы), т.е. внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и автостереотипы (О.А. Леонтович назвала их эндостереотипами), т.е. мифы о самих себе, существующие внутри одной культуры. Мы остановимся на гетеростереотипах/экзостереотипах, чтобы понять устойчивость мнения европейцев о враждебности русских. О.А. Леонтович в монографии «Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения» отмечает, что люди склонны отдавать предпочтение именно той информации, которая отвечает их внутренней логике, подтверждает устоявшиеся мнения и соответствует их ценностям и приоритетам [17. С. 284].

Отфильтровывая информацию, люди, как правило, противопоставляют «чужих своим», при этом «свои» воспринимаются с положительными эмоциями, им

отдается предпочтение перед «чужими», в результате психологи отмечают следующие когнитивные последствия: 1) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»; 2) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»; 3) оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [18. Р. 645]. Механизмы формирования стереотипов связаны с особенностями человеческого мышления и психики: склонности личности делать выводы на основе собственного культурного опыта, ошибки в дедуктивном мышлении, сведение воедино разнородных характеристик людей как обязательно сопутствующих друг другу, тенденции приписывать причины определенных поступков характеру человека, а не обстоятельствам. При этом мотивы собственных поступков коммуниканты склонны объяснять сложившейся ситуацией, а не своими личными качествами [Там же]. М. Беннет выделяет два типа стереотипов: «доброкачественные» (*benign*), которыми оперируют доброжелательно настроенные, но плохо информированные люди, и более опасные — те, которые заведомо используются в неблагоприятных целях [19. Р. 31—32].

Стереотипы рассматриваются под разными углами зрения — как явление психологическое, социальное, языковое и т.д. С точки зрения физиологии стереотипы формируются на основе системы условных рефлексов. Так, советский физиолог П.К. Анохин, вводя понятие акцептора действия, пытался дать физиологическое объяснение целенаправленной деятельности высшей нервной системы [20. С. 199]. Своими работами Анохин продемонстрировал, что проблемы намерений и целеполагания могут исследоваться также и средствами физиологии. Ученый описывал процессы подкрепления и целеполагания с помощью терминологии физиологии, используя отношения между условными и безусловными раздражителями, представления об аффективной и эффе́ктивной информации. В коре мозга в ответ на осуществление одних и тех же видов деятельности в одно и то же время, в одной и той же последовательности изо дня в день образуется относительно устойчивая и продолжительная система временных связей.

6. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В СМИ

Безусловным раздражителем может служить слово. Постоянное повторение одних и тех же фраз, со временем приобретающих устойчивость на уровне языка, приводят к тому, что их значение оседает в подкорке головного мозга, а восприятие их происходит автоматически, без участия высшего сознания. Носители языка не задумываются над содержанием клишированных фраз, принимая их как данность, срабатывает стереотипизация. Необходимо учитывать также то, что восприятие врага опосредовано определенными источниками информации, например СМИ, которые могут целенаправленно формировать определенный имидж «врага», т.е. манипулировать общественным сознанием.

В речах американских политических деятелей Россия представлена империей зла, осью зла, в одном ряду с терроризмом и угрозой распространения Эболы.

Но анализ средств массовой информации позволяет проследить стадии формирования образа врага. У американцев воспитывается негативное отношение

к России, поскольку страна воспринимается как реальная опасность, а Америка конструируется образом жертвы.

В нашей выборке материалы за период с 2005 по 2015 г. 100 статей. Мы остановимся на статье от 1 ноября 2005 г. *Non-Proliferation and Russia*, отчете совета департамента иностранных дел об угрозе бактериологического оружия (obamaspeeches.com). В заголовке уже заложено противопоставление: нераспространение и Россия, предположение читателя о том, что власти Америки стремятся обеспечить безопасность не только своей страны, но и всего мира, а Россия в этой миссии, как всегда, не принимает участие, поскольку именно от нее всех надо спасать.

We've made amazing progress in finding, securing, and guarding some of the deadliest weapons that were left scattered throughout the former Soviet Union after the Cold War.

Мы достигли значительных успехов по обнаружению и обеспечению безопасности хранения смертоносного оружия, которое до сих пор находится на территории бывшего Советского Союза (здесь и далее перевод с англ. мой. — Т.Ф.)

Негативная коннотация сочетания *the deadliest weapons that were left scattered* (самое страшное смертоносное оружие, которое разбросано по всей территории без должного соблюдения правил хранения), безусловно, создает отрицательный образ страны, рисует в воображении потенциальную угрозу возможности заражения даже жителей Америки. Далее автор убеждает читателя в реальности несчастья, сгущая краски:

Rogue states and despotic regimes are looking to begin or accelerate their own nuclear programs.

Страны, не несущие ответственность за свою политику, и деспотические режимы только и ждут возможности начать активизировать программы по созданию своего ядерного оружия.

Истерия культивируется, поскольку трагедия очевидна, читателю, воспитанному на сериале «Звездные войны», хорошо известно, что в таких ситуациях одна надежда на спасение всего человечества возлагается только на Америку.

With the situation in Russia and the rest of the former Soviet Union so drastically different than it was in 1991, or even in 1996 or 2001, what must we do to effectively confront this threat in the days and years to come?

Ситуация в России и бывших советских республиках катастрофически ухудшается, ее нельзя сравнивать с состоянием дел в этой области, которая была в 1991 г., 1996 г. или даже в 2001 г. Возникает вопрос: «Что должны предпринять мы, чтобы в ближайшие годы или даже дни противостоять этой угрозе?»

Далее автор приводит реальные факты заражения сибирской язвой пяти работников почты, при обработке посылок, предназначенных для сотрудников Сената.

Here in Washington, we saw what happened when just two letters filled with just a few grams of Anthrax were sent to the U.S. Senate. Five postal employees were killed and the Senate office buildings were closed for months.

Здесь в Вашингтоне мы уже поняли, что может произойти, когда в Сенат по почте отправили только два письма, в которых было только несколько грамм спор сибирской язвы. Здание Сената закрыли на несколько месяцев, а пятеро сотрудников почты погибли.

Таким образом, в общественном сознании выстраивается логическая цепочка: эпизод с посылками реальный факт, следовательно, и угроза, исходящая из России, тоже реальна. В очередной раз подкрепляется образ врага, тем более Россия не может контролировать ситуацию.

Even the zealous Russian border guard is helpless against the global sweep of biological threats.

Даже рьяные российские пограничники беспомощны в предотвращении распространения по всему миру биологической угрозы.

Для американцев важно то, что они живут в демократической стране, где соблюдаются права и свободы, поэтому следующим фактом для убеждения и подтверждения образа врага в статье дается информация о том, что в бывшем Советском Союзе есть силы, которые стремятся остановить программу по нераспространению бактериологического оружия, более того, делегацию незаконно задержали в Перми, продержали три часа, нарушив их права. В России попираются права человека, демократические основы, что можно видеть в Чечне. Следовательно, перед Америкой встает серьезная проблема — как выстраивать отношения с Россией.

There are forces within the former Soviet Union and elsewhere that want these non-proliferation programs to stop. Our detention for three hours in Perm is a testament to these forces. Additionally, in the last few years, we've seen some disturbing trends from Russia itself — the deterioration of democracy and the rule of law, the abuses that have taken place in Chechnya, Russian meddling in the former Soviet Union — that raise serious questions about our relationship.

В бывшем Советском Союзе и в некоторых других странах есть силы, которые стремятся остановить программу контроля за нераспространением бактериологического оружия. Подтверждением реального факта существования этих сил может послужить инцидент, который произошел с нашей делегацией в Перми: нас три часа продержали в камере предварительного заключения. Кроме того, мы наблюдаем за тем, что происходит в России в последние годы и нас это настораживает: в Чечне нарушаются права и свободы жителей этой республики, Россия вмешивается во внутреннюю политику бывших союзных республик. Все это серьезно осложняет наши взаимоотношения.

Противопоставление «они — мы» в конце статьи укрепляет мнение читателя, что миролюбивой Америке трудно в борьбе с агрессивной, непредсказуемой, неуправляемой Россией, несмотря на все усилия американского правительства. Стереотип «свой — чужой» подкрепляется авторитетным мнением, приводится цитата из выступления президента Кеннеди в 1963 г:

I am reminded by a quote from the late President Kennedy given in a speech at American University in 1963 about threats posed by the Soviet Union. «Let us not be blind to our differences—but let us also direct attention to our common interests and to the means by which those differences can be resolved... For in the final analysis, our most basic common link is that we all inhabit this small planet. We all breathe the same air. We all cherish our children's future. And we are all mortal.»

Давайте не будем закрывать глаза на наши различия — но давайте не упускать из внимания и то, что нас объединяет, что поможет разрешить наши противоречия. В конечном счете, нас объединяет то, что все мы живем вместе на этой маленькой планете. Мы дышим одним воздухом. Мы заботимся о будущем наших детей. И все мы смертны.

7. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Не менее интересно рассмотреть примеры стереотипизации мышления в художественном тексте. Текст, как мы находим у Ю.М. Лотмана, обладает тремя основными функциями. Во-первых, способностью к адекватной передаче сообщения. Во-вторых, творческой. В-третьих, функцией памяти: «Текст — не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти... Создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории» [9. С. 21—22].

Роман Дэвида Митчелла «Луг Черного Лебедя» вышел в свет в 2006 г., действие происходит в 1982 г., автор отображает события этого времени в жизни главных героев [21]. В Великобритании в это время премьер-министр Маргарет Тэтчер, к которой у британцев очень сложные чувства за жесткую внутреннюю политику, не совпадающие с нашим отношением симпатии к железной леди. С первых страниц романа мы сталкиваемся с результатами холодной войны в политике, когда противостояние двух систем практически привело к психозу обычных жителей.

I blasted away at the skyful of Russian MiGs streaming over the Malowed. Soon tens of thousands of people between here and Cardiff owed me their lives. I'd shoot the Soviet airmen with tranquillizer darts as they pressed their ejector seats. Our marines'd mop them up. I'd refuse all medals. 'Thanks, but no thanks', I'd tell Margaret Thatcher and Ronald Reagan when Mum invited them in, 'I was just doing my job'.

Я вижу в небе огромное количество русских МИГов, они держат курс на запад. Я нажимаю на гашетку. Десятки тысяч жителей Англии до самого Кардиффа вверили свои жизни мне. В ответ на бомбардировку русских я открыл огонь на поражение своими дартсами-транквилизаторами. Тут инициатива перешла в руки нашего флота, и они завершили работу, очистив небо от врага. Я откажусь от всех наград. «Спасибо, не надо никакой благодарности», — скажу я Маргарет Тэтчер и Рональду Рейгану, когда мама пригласит их к нам домой. «Я просто выполнял свою работу».

Мальчику 12 лет. Безусловно, он еще не интересуется политикой, однако образ врага уже формируется в его сознании. Джейсон страдает заиканием, не может произнести слова, начинающиеся с определенных звуков, которые каждый раз пугают его неожиданностью выбора, потому что за это отвечает Hangman (висельник). Этих моментов он боится также как и начала ядерной войны, связанной русскими.

Apart from the Russians starting a nuclear war, my biggest fear is if Hangman gets interested in J-words, 'cause then I won't even be able to say my own name.

Я боюсь не только русских, которые начнут ядерную войну. Больше всего я боюсь Висельника, ведь он может переключиться на слова, начинающиеся со звука [дж], и тогда я не смогу произнести своего имени Джейсон.

Правда, британцы боялись в эти годы не только русских, но и американцев, которые разместили свои базы на территории Великобритании. Жители острова стали, таким образом, мишенью, легкой добычей, причем страх усиливался, т.к. что-либо предпринять было невозможно. Правительство советовало своим гражданам заклеить окна коричневой бумагой.

Сами британцы признают, что Россия и Великобритания — две европейские страны, у которых так много общего в истории, чтобы вторить Америке, которая называла нас империей зла. В 80-е гг. многие думали, что не Россия, а советская система враждебна прежде всего не столько для всего мира, сколько для своих граждан. Но в то время это рассматривалось как внутренняя проблема самого государства, однако возможность начала ядерной войны существовала. Страх усилился в 1986 г., когда Америка начала бомбить Ливию, используя свою военную базу в Оксфордшире. По логике британцев, да и всего сообщества, Россия должна была испугаться и враг должен быть морально повержен.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что процесс формирования образа врага опосредован, обусловлен ранее сформированными стереотипами, позволяет людям сохранять и передавать из поколения в поколение ранее сформированные образы и механизмы идентификации. Безусловно, стереотипы создают помехи в общении, образ партнера по коммуникации и его поступки пропускаются через призму стереотипов, могут привести к ложному истолкованию и неверной оценке поведения, в том числе и речевого. Все чаще, анализируя средства массовой коммуникации, мы говорим о вербальной агрессии и манипулировании общественным сознанием. Язык несет в себе огромную воздействующую силу, моделирует картину мира, определяет поступки, поведение, может либо закрепить создавшийся образ, либо заложить сомнение в правдивости застывшего в сознании образа.

© Дата поступления: 20.01.2016

Дата принятия в печать: 23.04.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. научн. Тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3—16.
- [2] Лесли А. Уайт. Культурология. В кн: Лесли А. Уайт. Энергия и эволюция культуры // Работы Л.А. Уайта по культурологии. (Сборник переводов). М.: Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам, 1996. С. 162—169.
- [3] Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 191—199.
- [4] Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2001. С. 102.
- [5] Пронина Л.А. Информационная культура как механизм саморегуляции общества // Философия, социология и культурология: Вестник ТГУ. 2012. Вып. 3 (107). С. 255.

- [6] Зелинский С.А. Защитные механизмы психики. Характеристика основных защит (Современные психотехнологии манипулирования). СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИ-ФИЯ», 2008. URL: <http://psyfactor.org/lib/zln0.htm>.
- [7] Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- [8] Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л.: Соцэкгиз, 1993.
- [9] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999.
- [10] Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.
- [11] Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 3 т. М.: Русский язык, 2000.
- [12] Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5—22.
- [13] Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.
- [14] Ильин И.А. «О грядущей России»: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993.
- [15] Клушина Н.И. Контекстные измерения мифологемы // Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. М., 2014. С. 154—157.
- [16] Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2001.
- [17] Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. М.: Гнозис, 2005.
- [18] Bootzin R.R., Bower G.H., Crocker J. Psychology Today. New York, etc.: McGraw-Hill, Inc., 1991.
- [19] Bennet M.J. Towards Ethnorelativism: A Development Model of Intercultural Sensitivity // Education for the Intercultural Experience / Ed. by R.M. Paige. U.S.A.: Intercultural Press, 1993. P. 21—71.
- [20] Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991.
- [21] David Mitchell, Black Swan Green. Sceptre, 2006.

THE IMAGE OF ENEMY AS A STEREOTYPE OF THINKING

T.A. Fomenko

State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region
The State University of Humanities and Social Studies
Zelyonaya St., 30, Kolomna, the Moscow Region, Russia, 140410

In this article we analyze the process of stereotype thinking and its verbal expression. We focus our attention on the symbolic vision of our society in the mind of Europeans: Russia is evil, a country where law and democracy have deteriorated. Our aim is to examine the process of mind manipulation and imprinting of the enemy image on the mind of the society by means of communication and show the difficulty of destruction of stereotypes which prevents people of the 21st century from the objective perception of reality. We conducted our study on dictionary entries, articles, B.Obama's speech in particular, and the extract from David Mitchell's book "Black Swan Green". The research is based on the data worked out by a number of sciences: Cultural Linguistics, Psychology, Psycholinguistics, Cross-Cultural Communication. We used

the methods of functional and pragmatic analysis of the text. A stereotype is defined as an element of the cultural code which can be decoded by means of language; it affects the way of thinking, behavior and lexis. Thus, the proposed thesis of a stereotype is supposed to be changing but too slowly. It is concluded that the sterotype “Russia is the enemy” possesses its formal linguistic, mental, and behavioural parametres.

Key words: stereotypes, image of the enemy, language behavior, verbal expression, thought control, mass media.

REFERENCES

- [1] Karasik V.I. O kategoriyah lingvokul'turologii. *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoj deyatel'nosti: Sb. nauchn. tr.* Volgograd: Peremena, 2001. S. 3—16.
- [2] Lesli A. Uajt. Kul'turologiya. V kn: Lesli A. Uajt. EHnergiya i ehvol'yuciya kul'tury. *Raboty L.A. Uajta po kul'turologii. (Sbornik perevodov)*. Moskva: Rossijskaya akademiya nauk. Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam, 1996. C. 162—169.
- [3] Lotman YU.M. Simvol v sisteme kul'tury. *Lotman YU.M. Izbrannye stat'i v 3 t.* T. I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. Tallin, “Aleksandra”, 1992. S. 191—199.
- [4] Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. Moskva, Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. S. 102.
- [5] Pronina L.A. Informacionnaya kul'tura kak mekhanizm samoregulyacii obshchestva. *Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya: Vestnik TGU*. 2012. Vypusk 3 (107). S. 255.
- [6] Zelinskij S.A. Zashchitnye mekhanizmy psihiki. Harakteristika osnovnyh zashchit (Sovremennye psihotekhnologii manipulirovaniya). SPb.: Izdatel'sko-Torgovyj Dom «SKIFIYA», 2008. URL: <http://psyfactor.org/lib/zln0.htm>.
- [7] Gumbol'dt V. fon. YAzyk i filosofiya kul'tury. M.: Progress, 1985.
- [8] Sepir EH. YAzyk. Vvedenie v izuchenie rechi. M.; L.: Socehgiz, 1993.
- [9] Lotman YU.M. Vnutri myslyashchih mirov. CHElovek — tekst — semiosfera — istoriya. M., 1999.
- [10] Makovskij M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropejskih yazykah: Obraz mira i miry obrazov. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 1996.
- [11] Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj v 3 t. M.: Russkij yazyk, 2000. URL: http://slovonline.ru/slovar_efremova/b-2/id-11520/vrag.html Izdatel'stvo: AST, Astrel', Harvest, Lingua.
- [12] Boldyrev N.N. YAzykovye kategorii kak format znaniya. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2006. № 2. S. 5—22.
- [13] Psihologicheskij slovar'. Ed. A.V. Petrovskogo, M.G. YAroshevskogo. 2-e izd., ispr. i dop. M.
- [14] Il'in I.A. «O gryadushchej Rossii»: Izbrannye stat'i. Ed. N.P. Poltorackogo. M.: Voenizdat, 1993.
- [15] Klushina N.I. Kontekstnye izmereniya mifologemy. *Stilistika segodnya i zavtra: materialy konf.* M., 2014. S. 154—157.
- [16] Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie. Moskva: Akademiya, 2001.
- [17] Leontovich O.A. Russkie i amerikancy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya: Monografiya. Moskva: Gnozis, 2005.
- [18] Bootzin R.R., Bower G.H., Crocker J. *Psychology Today*. New York, etc.: McGraw-Hill, Inc., 1991.
- [19] Bennet M.J. Towards Ethnorelativism: A Development Model of Intercultural Sensitivity. *Education for the Intercultural Experience*. Ed. by R.M. Paige. U.S.A.: Intercultural Press, 1993. P. 21—71.
- [20] Grekhhehm L.R. Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze: Per. s angl. M.: Politizdat, 1991.
- [21] David Mitchell, Black Swan Green. Sceptre, 2006.